

О. Б. Дёмин (Одесса, Украина)

**ВИЗАНТИЙСКИЙ ХРИСТИАНСКИЙ И КАЛЕНДАРНЫЙ
КОНТЕКСТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА:
МОГ ЛИ ОН СОЗДАТЬ ГЛАГОЛИЦУ?**

Интерес к жизни и деятельности Константина-Кирилла и Мефодия был и остается неизменным на протяжении длительного времени. В последние десятилетия, когда многие историки стали широко использовать цивилизационный анализ, по-новому звучит вопрос об истоках славянской цивилизации и роли Солунских братьев в междивизиационных контактах. И все же решение многих вопросов славянской письменности возможно на пути использования ранее не привлекаемых материалов. К их числу относится и календарно-хронологическая культура христианского мира Византийской империи, в контексте которой творили и действовали Солунские братья и традиции которой они придерживались в течении всего периода своей жизни, как до моравской миссии, так и во время ее.

О том, что Константин и Мефодий действительно не стремились оторвать моравский народ от византийской церкви, главного оплота христианства по представлениям византийского императора, константинопольского патриарха и Солунских братьев, свидетельствуют обвинения в их адрес в булле папы Стефана V. В вину Мефодию и его ученикам, наряду с исполнением обрядов на славянском языке и исповеданием «символа веры» в византийской редакции, вменялось распространение принятой в Византии системы постов, отличной от франкской¹. Фактически, это означало, что Константин и Мефодий принесли в Великую Моравию цикл христианских праздников, основанный на византийской традиции.

Необходимость учета календарных правил византийской церкви в моравской азбуке оказалась тесно связанной с переводом первой книги на славянский язык. Исследователи утверждают, что это был, скорее всего, краткий апракос, содержащий тексты церковных служб на весь год. Не

исключена возможность перевода особого типа краткого апракоса, так называемого, праздничного. В нем содержались чтения на субботу и воскресенье почти на весь литургический год, за исключением страстной и светлой седмицы, где чтения давались на каждый день. Кроме того, в праздничном апракосе чтения начинались не с первого дня Пасхи, а с великопостных дней². Хотя содержание первого переведенного в Византии апракоса все еще остается невыясненным, оно, как представляется, целиком исходило из порядка принятых в константинопольской церкви чтений.

Данные обстоятельства служат еще одним доказательством греческой основы новой азбуки и указывают на то, что Константин оправдал свое прозвище Философа. В одном из древнерусских произведений имеется указание на специфический вид занятий философов: «Аще который философ навикнет пасхалиям... и начнет хвалиться... и ты рцы ему сице: аще горазд еси и философ пасхалиям., найди же ми. в кой день луна небесная настанет и в кий час,. найди ми, философе, рукою индиктовою пасху евреом и пасху христианом.»⁴. Знание расчета церковных праздников было необходимо Константину и его спутникам во время осуществления всех длительных миссий, ведь неукоснительное выполнение христианских обрядов являлось одним из важнейших правил христианина. Несомненно, что Константин в путешествиях пользовался, в первую очередь, церковным календарем, сохраняя тем самым связь с христианским миром. Расчеты связывались с регламентацией годового круга церковных служб, которые осуществлялись в строго определенном порядке в течение дня, месяца, года и зависел и от определения даты Пасхи. Основой служб выступало сочетание неподвижных праздников, то есть таких, которые жестко привязывались к определенному числу месяца, и подвижных праздников, которые не имели обязательно фиксированного дня и менялись в четкой последовательности от года к году. Главным подвижным праздником служила и служит до сих пор Пасха, от которой и ведется отсчет всех других подвижных праздничных дней и недель. Особенностью средневекового общества, как известно, было существование рядом со светским календарем еще и церковного. Даже можно сказать, что светский календарь действовал лишь параллельно с церковным календарем, как более важным в то время.

На первом Вселенском соборе христианских церквей 325 г. в Никее были выработаны главные правила вычисления дня Пасхи. Для согласования даты проведения праздника в один и тот же день у всех христиан стали использовать государственный римский или юлианский календарь, который официально функционировал на землях всей, тогда еще целостной, Римской империи. Иерархи церкви посчитали, что этим будет обеспечено единство всего христианского мира. Поэтому еще в IV

в. астрономы раннехристианского времени, учитывая сложность и недоступность для большинства священников математических расчетов празднования Пасхи, создали специальные пасхальные таблицы.

Однако более широко применялись специальные элементы, своего рода алгоритмы, предназначенные для тех же целей. Они считались важной составной частью теологических знаний эпохи средневековья. Недаром изучению астрономии уделяли такое большое внимание в высших школах Византии. Эпизод хронологических расчетов Константина по тексту кубка из церкви Святой Софии⁵ указывает на высочайший уровень («рассчитал же тонко Философ...») овладения им достижений теологической астрономии.

Так как Пасха отмечалась в первое воскресенье после дня весеннего полнолуния, под которым понималось первое полнолуние после дня весеннего равноденствия, то требовалось установить сначала дату полнолуния, а затем и воскресные дни года. Но первое рассчитывалось по лунному циклу в 19 лет, а второе по солнечному циклу в 28 лет. С целью облегчения вычислений в IV в. первые семь букв греческого алфавита, начиная с первого дня первого года эры «от сотворения мира», были расписаны по дням месяца и, соответственно, дням года. Так, определенная буква оказывалась жестко привязанной ко дню недели. Буква, которая приходилась в текущем году на воскресенье, на востоке христианского мира получила название «числа богов», на западе - «солнечные-пакты», а на Руси - вруцелето. Подобные правила существовали и для вычислений в рамках лунного цикла⁶.

Но к IX в. уже обнаружилось расхождение в принципах расчетов и, соответственно, в датах празднования Пасхи в восточных и западных церквях. Несомненно, Константин имел представление о существовании ряда различий хронологико-астрономических принципов византийской и римской церквей. Во-первых, отличия заключались в начальной точке отчета эры «от сотворения мира»: в Византии она начиналась с 5508 г. до н.э., а в Риме - с 4713 г. до н.э. К тому же, римская церковь пользовалась эрой от основания Рима и параллельно, уже с VII в. стала вводить эру от Рождества Христова. Во-вторых, в пределах 28-летнего солнечного цикла дополнительный 366-ой день високосного года вводился раз в четыре года, но в разной последовательности: в восточной церкви - в 3, 7, 11, 15, 19, 23, 27 годах, а в западной церкви - в 1, 5, 9, 13, 17, 21, 25 годах цикла. В-третьих, в расчетах круга Луны - номера года в лунном цикле использовали два способа нумерации годов. В Риме придерживались александрийского цикла, в котором счет лет начался от прихода к власти римского императора Диоклетиана - с 29 августа 284 г., когда начало александрийского года совпало с новолунием. В Византии применяли сирийский или константинопольский цикл, в котором за исходный момент брался 249 г., когда новолуние пришлось на день весеннего

равноденствия. В результате расхождения между восточным и западным циклом составляло 3 или 16 дней.

Кроме того, сохранялись и различия общекалендарного порядка. Во-первых, на востоке уже окончательно перешли на сохранившийся до нашего времени прямой счет дней внутри месяца, а на западе еще сохраняли древнеримский обратный счет дней до календ, нон и ид. Во-вторых, существовало различие в начале светского византийского и римского года - 1 сентября и 1 января соответственно. В-третьих, на западе Европы уже использовали римские цифры вместо латинских букв в обозначении дней недели и месяца, нумерации индиктов и годов, а также всех вспомогательных хронологических элементов.

В связи с последним обстоятельством очень важно подчеркнуть, что в арифметических действиях византийцы все еще пользовались буквами греческого алфавита, а франки уже перешли на римские цифры. Но греческая византийская система счета буквами получила широкое распространение в славянском мире и в торговых отношениях Византии с соседями. О прочности этой традиции говорит использование счета по буквам на Руси.

Здесь не лишне отметить роль традиции в византийском обществе в целом. Та удивительная скорость перевода с греческого алфавита на славянскую азбуку, которой восхищаются исследователи, возможна именно в кириллице, учитывая не только близость чтения большинства букв греческого и славянского алфавита, но и их написания, а никак не в глаголице, требовавшей, особенно на первых порах, постоянной сверки с азбукой. Безусловно, облегчало перевод и то, как показал Е.М. Верещагин, что Константин и Мефодий практиковали пословный перевод, когда одному слову греческого текста соответствовало одно славянское слово. Для средних веков такой принцип бы единственным возможным, учитывая необходимость достижения адекватного перевода, исходя из буквы и духа теологических требований. Впрочем, он был важен и с практических позиций - сохранения традиции написания священных книг, традиции церковных праздников и донесения до всех христиан адекватного божьего слова в рамках единой христианской церкви.

В итоге, отказаться от греческих букв как основы новой письменности, прежде всего, означало оторвать церковные службы и праздники новых христиан от колыбели христианства и разорвать религиозное единство новых христиан с церковными центрами.

Кроме того, не последнюю роль, вне всякого сомнения, сыграли соображения внутренних правил церковных служб. Написанный на греческом языке в VII в. торжественный гимн Богородице - Акафист разделялся на отдельные песнопения, так называемые икосы, в соответствии с буквами греческого алфавита. Не случайно, на этот

момент при обучении грамоте указывал Константин Костенецкий: «Располагать буквы следует так: А, В, Г, а не А, Б, так как в греческом языке за А следует В. Некоторые же извращают указанный канон алфавита и говорят: «Канон требует учить по «аз - буки». Но ведь и икосы акафиста идут по «аз - веди», так и нам подобает учить с самого начала, чтобы крепче усвоить все правила»⁹. Пойти на нарушение порядка песнопения христианин, понятно, не мог, потому что песня передавала сущность веры. «Житие Константина» сохранило известие о том, что в диспуте с латинскими епископами в Венеции Константин подчеркнул единство языка, веры и песни, припомнив слова Давида из Псалтыри: «Пойте господу вся земля, пойте господу песню новую». И снова: «Восклицайте господу, вся земля, пойте и возвеселитесь и воспойте». И в другом месте так: «Вся земля да поклонится и да поет тебе, пусть поют имени твоему, всевышний»¹⁰. И позже, уже в Риме, когда Мефодию пришлось бороться с интригами немецкого духовенства, его правильное песнопение стало одним из главных оснований для снятия обвинений. Отвечая на предложенный вопросный пункт, Мефодий подчеркнул, «что он верует и поет согласно с евангельским и апостольским учением, как то учит святая римская церковь и как то передано отцами»¹¹. Хотя вопрос в основном затрагивал проблему сущности символа веры, но, учитывая, что Ватикан в то время еще не до конца определился с его пониманием, папа Иоанн VIII обратил внимание на то, как Мефодий пел, а не как исповедовал¹². Поэтому в папском решении и прозвучали слова, означавшие признание славянских служб: «для истинной веры и истинного учения нисколько не служит препятствием, поются и литургия на славянском языке, читаются и св. Евангелие и Божественные чтения Ветхого и Нового Завета и поются и все другие часы на этом именно языке»¹³.

И, в конце концов, следует учитывать божественную, с точки зрения Константина и его современников, природу новой письменности: «Пошел же Философ и по старому обычаю стал на молитву и с иными помощниками. И вскоре открыл ему *их* бог, что внимает молитвам рабов своих, и тогда сложи письмена, и начал писать слова евангелия: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» и прочее»¹⁴. Таким образом, отказаться от использования греческого письма в азбуке нового христианского народа Константин просто не мог, ибо это письмо выступало проявлением божественной логики и принципа.

Исследователям, прежде всего, необходимо считаться с тем, что славянская письменность создавалась не для светских, а для религиозных потребностей народа, который недавно принял христианство и только начинал познавать слово Божье. Поэтому, перед первой буквой мораванского алфавита, Константин, в соответствии с византийской традицией, поставил крест, исходя из предназначения письменности для

христианского народа и признания буквы проявлением Божьей силы¹⁵. В пользу этого говорят три обстоятельства. Во-первых, самая ранняя из известных работ Константина «Слово о Григории Богослове» начиналась со знака креста¹⁶. Во-вторых, найденные ранние кириллические надписи на землях Болгарии, выгравированные на камне и на других материалах, имели впереди крест. В-третьих, в течение многих столетий болгарские учителя сохраняли правило начинать любое написание со знака креста. В болгарском педагогическом произведении Константина Костенецкого «Разъясненное сказание о буквах» (XV в.) прямо говорится: «Ведь велено нам впереди всех букв в начале азбуки писать знак креста, и не думай, что это - просто так. Ведь и мы в начале жизни сопричастны распятию Христову крещением и погребены будем с крестным знаменем. Так и начиная писать Божественные буквы, перед всеми ими подобает поставить крест и сказать: «Кресте, помогай», как в Апостоле сказано: «Да не позволит мне Господь клясться ничем, помимо креста Господня»¹⁸.

Собственно, уже таким определением содержания знака креста, как выявлением причастности к христианскому миру и его целостности, ибо как Христос един для всех, так и крест, на котором он бы распят, един для всех, отбрасывалось любое толкование креста как части, т.е. как буквы. Следовательно, уже этот знак указывал на христианский и, соответственно, греческий вариант новой письменности. В подобном прочтении знака креста, которое для Константина определилось еще в детские годы учебы, а затем нашло философское обоснование в труде о диспуте с низвергнутым патриархом Аннием, воплотилось содержание азбуки¹⁹.

Конечно, можно предположить, что после знака креста Константин мог написать буквы совсем нового, неизвестного никому алфавита, то есть будущей глаголицы. Но против такого решения говорит и образовательная подготовка Константина, и его приверженность календарно-хронологической традиции Византии. И, может быть главное, это шло вразрез с его мировоззренческими установками, ибо при таком подходе оказывалось необоснованным появление новых букв с позиций грамматики и теоретической философии - теологии. И тогда Константин вряд и мог оправдать свою славу ученого-теолога и прозвище Философ. В этом случае ему в большей мере подошло бы определение «еретик», о чем он заявлял и сам. И вообще, в условиях существования все еще единой христианской церкви, даже с оглядкой на борьбу Константинополя и Рима, тяжело подыскать мотивы христианского характера, которые бы подвиг и Константина изобрести новые знаки.

Таким образом, существует целый ряд обстоятельств, которые указывают на выбор Константином и Мефодием греческого алфавита для создания славянской азбуки. Одновременно, отсутствовала мотивация в пользу отказа от греческой основы и создания совсем новой, ранее

неведомой письменности. Несмотря на малограмотность немецкого духовенства Моравии, оно смогло отличить греческий алфавит от негреческой азбуки. Но произошло это не сразу, понадобилось определенное время, когда выяснилось, что рядом с греческими буквами присутствовали новые, нехарактерные для этой письменности буквы. Недаром в «Житии Константина» подчеркивалось, что нарекания на новые письмена, отличные от трех «святых языков», начались не сразу после появления в Моравии Солунских братьев, а впоследствии, когда ²⁰«стало распространяться божье учение». Все это, а также некоторые другие моменты уже моравского и послеморавского периода еще раз указывают на то, что Константин и Мефодий создали славянскую азбуку, пользуясь греческим образцом, которая и вошла в историю под названием кириллица.

Исходя из мировоззренческих установок Константина, можно утверждать, что только он мог инспирировать или генерировать основные принципы создания моравской азбуки. Сочетание традиционализма и имманентного творческого начала позволило ему перешагнуть через жесткие рамки христианской теологии, оставаясь, тем не менее, христианским теологом и стать крупным христианским философом. Последующая практическая реализация усовершенствования азбуки и начало перевода богослужебных книг осуществлялась совместно Константином и Мефодием. Нельзя исключить, особенно во время пребывания в Византии посланников великоморавского князя, проведения с ними консультаций, что, скорее всего, и обусловило появление моравизмов в первых переводах Солунских братьев. Но это необходимо еще доказать. А вот последующее пребывание Константина и Мефодия в самой Великой Моравии однозначно вводило в переводы моравизмы.

Примечания:

¹ Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха // Сказания о начале славянской письменности / Пер. и комментарии Б.Н. Флоры. - М., 1981. - С. 15.

² Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. - М., 1971. - С. 14-16.

³ Жуковская Л.П. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием // Вопросы славянского языкознания. - Вып. 7. - М., 1963.

⁴ Климишин И.А. Календарь и хронология. - М., 1985. - С. 263-264.

⁵ Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Пер. и комментарии Б.Н. Флоры. - М., 1981. - С. 86.

⁶ Климишин И.А. Указ. соч. - С. 66-95.

⁷ Симонов Р. А. О некоторых особенностях нумерации, употреблявшейся в кириллице // Источниковедение и история русского языка. - М., 1964. - С. 14-36; Жуковская Л.П. К истории буквенной цифири алфавита у славян // Источниковедение и история русского языка. - М., 1964. - С. 33-43.

⁸ Верещагин Е.М. Указ. соч. - С. 65-68.

- ⁹ Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX-XVIII вв. / Пер. Н. Калиганова и Д. Польшанного. - М., 1990.
- ¹⁰ Житие Константина. - С. 89.
- ¹¹ Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий. - Ч. 1. - СПб., 1868. - С. 90.
- ¹² Там же. - С. 89.
- ¹³ Там же. - С. 92.
- ¹⁴ Житие Константина. - С. 87.
- ¹⁵ Дёмин О.Б. «Мы пришли дать вам Слово». Кирилл и Мефодий в истории славянской культуры. - Одесса, 2003. - С. 56-65.
- ¹⁶ Житие Константина. - С. 72.
- ¹⁷ Заимов Й. Битольская надпись болгарского самодержца Ивана Владислава 1015-1016 гг. // Вопросы языкознания. - 1969. - №6. - С. 124-129; Заимов Й. Битолски надпис на Иван Владислав самодержец български. - С., 1970. - С. 15-16.
- ¹⁸ Родник златоструйный. - С. 156.
- ¹⁹ Дёмин О.Б. Указ. соч. - С.37-39.
- ²⁰ Житие Константина. - С. 87.